

УДК: 341; 346
Научная специальность: 5.1.3
<https://doi.org/10.47361/2542-0259-2024-2-38-10-17>

ISSN: 2542-0259
© Российское конкурентное право
и экономика, 2024

Антимонопольное законодательство в контексте конституционного контроля: новеллы правоприменительной практики

Сегал (Решетникова) С.Б.,

Российская академия
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской
Федерации,
Пепеляев групп,
125047, Россия, г. Москва,
ул. 3-я Тверская-Ямская,
д. 39, стр. 1

Маслов А.О.*,

Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Московский государственный
юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Аннотация

В декабре 2023 г. исполнилось 30 лет с момента принятия Конституции РФ. Позиции органов конституционного контроля всегда играли и продолжают играть важное значение для развития антимонопольного законодательства и правоприменительной практики по делам о защите конкуренции. В практике Конституционного Суда Российской Федерации (КС России) и ряда иных правоприменителей конкуренция рассматривается в контексте конституционной ценности, которую все правоприменители, в том числе антимонопольные органы и суды, обязаны защищать. В конституциях ряда зарубежных стран нередко отсутствует прямое указание на необходимость защиты конкуренции, что повышает роль высших судебных инстанций в создании правового механизма ее защиты.

Авторами анализируется сложившаяся после 2018 г. правоприменительная практика КС РФ по вопросам применения антимонопольного законодательства и влияние позиций высшего органа конституционного контроля на развитие конкурентного права России.

Ключевые слова: антимонопольное законодательство; конкурентное право; конституционный контроль; защита конкуренции; ограничение конкуренции; картельное соглашение; недобросовестная конкуренция; принцип поддержания конкуренции.

Для цитирования: Сегал (Решетникова) С.Б., Маслов А.О. Антимонопольное законодательство в контексте конституционного контроля: новеллы правоприменительной практики // Российское конкурентное право и экономика. 2024. № 2 (38). С. 10-17.
<https://doi.org/10.47361/2542-0259-2024-2-38-10-17>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Antitrust Legislation in the Context of Constitutional Control: Novelties of Law Enforcement Practice

**Stephania B. Segal
(Reshetnikova),**

Russian Academy of
National Economy and Public
Administration (RANEPA),
Pepeliaev Group,
3th Tverskaya-Yamskaya str.,
39-1, Moscow, 125047, Russia

Anton O. Maslov*,

National Research University
"Higher School of Economics",
Kutafin Moscow State Law
University (MSAL) Russian
Federation,
Sadovaya-Kudrinskaya str., 9,
Moscow, 125993, Russia

Abstract

In December 2023, 30 years have passed since the adoption of the Constitution of the Russian Federation. The positions of the constitutional control bodies have always played and continue to play an important role in the development of antimonopoly legislation and law enforcement practice in cases of protection of competition. In the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation (CC of Russia) and a number of other law enforcement officers, competition is considered in the context of the constitutional value that all law enforcement officers, including antimonopoly authorities and courts, are obliged to protect. In the constitutions of a number of foreign countries, there is often no direct indication of the need to protect competition, which increases the role of the highest courts in creating a legal mechanism for its protection.

The authors analyze the law enforcement practice of the Constitutional Court of the Russian Federation established after 2018 on the application of antimonopoly legislation and the influence of the positions of the supreme constitutional control body on the development of Russian competition law.

Keywords: antitrust laws; competition law; constitutional control; protection of competition; limiting competition; cartel agreement; unfair competition; the principle of maintaining competition.

For citation: Segal (Reshetnikova) S.B., Maslov A.O. Antitrust legislation in the context of constitutional control: novelties of law enforcement practice // Russian Competition Law and Economy. 2024;(2(38)):10-17, (In Russ.). <https://doi.org/10.47361/2542-0259-2024-2-38-10-17>

The authors declare no conflict of interest

Введение

Известно, что конкуренция как правовая категория представляет собой соперничество хозяйствующих субъектов, при котором ограничивается возможность участников товарного рынка в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товара.

Государство объективно заинтересовано в поддержании конкуренции на внутреннем товарном рынке, поскольку это увеличивает потенциал рыночной экономики¹. Конкуренция выступает одним из средств регулирования основных экономических процессов, распределения материальных благ, удовлетворения интересов потребителей. Конституционный Суд Российской Федерации (далее — КС России, КС РФ) неоднократно указывал, что конкуренция — одна из основ современного экономического строя и представляет собой конституционную ценность². Добросовестная конкуренция и предотвращение монополизации вместе с правом частной собственности и свободой договора образуют конституционную основу современной рыночной экономики России³. При этом сама конкуренция выступает⁴ в качестве социального блага [1, 2]. По указанной причине в основу Конституции России заложен принцип поддержания конкуренции на товарных рынках, который рассматривается [3] в качестве принципа рыночной экономики. Защита конкуренции в том виде, в каком она реализуется посредством антимонопольного законодательства, направлена на сдерживание свободы хозяйствующих субъектов, обладающих рыночной властью, при осуществлении предпринимательской деятельности на соответствующих товарных рынках.

Позиции высших судебных инстанций часто играют существенную роль в развитии антимонопольного законодательства. Так, конкурентное право США изначально складывалось и продолжает складываться на основании решений Верховного Суда (далее — ВС РФ)⁵. В свою очередь институт коллективных исков

о взыскании убытков, которые причинены в результате нарушения норм антимонопольного законодательства, появился в законодательстве Великобритании в 2015 г., однако стал фактически функционировать на практике [4] только в 2020 г. после вынесения прецедентного решения Верховным Судом Великобритании по делу Mastercard⁶.

В этом отношении правовые позиции КС России не стали исключением. В декабре 2023 г. исполнилось 30 лет с момента принятия Конституции РФ. При этом КС России за время своего функционирования весьма нечасто высказывался по проблематике защиты конкуренции. По этой причине каждая позиция КС РФ представляет весомую практическую ценность и доктринальный интерес с точки зрения изучения и анализа.

Одно из знаковых постановлений КС РФ за 2018 г. — по делу ООО «ПАГ», в котором в разрезе антимонопольного правоприменения были рассмотрены аспекты правового регулирования параллельного импорта в Российской Федерации, — сыграло важную роль в развитии судебной практики по спорам с участием параллельных импортеров.

После 2018 г. в своих постановлениях КС России трижды анализировал нормы антимонопольного законодательства на предмет их соответствия Конституции РФ. Одно постановление КС России было посвящено институту недобросовестной конкуренции, а два других — отдельным аспектам применения запрета на антиконкурентные картельные соглашения. Рассмотрим указанные судебные акты детальнее в контексте их влияния на развитие антимонопольного законодательства России.

1. Постановление КС России делу ООО «Медэксперт»⁷

1.1. Правовая проблема

Антимонопольный орган квалифицировал в качестве акта недобросовестной конкуренции действия компании по подаче заявки на участие в торгах на оказание медицинских услуг, когда у компании не было лицензии на осуществление медицинской деятельности на территории субъекта РФ, в пределах которого проводилась закупка, и было необходимо оказывать

¹ Определение Верховного Суда РФ от 12.10.2015 № 309-ЭС15-6673 по делу № А60-25477/2013 // <https://kad.arbitr.ru/> (Дата обращения: 07.01.2024).

² Постановление Конституционного Суда РФ от 25.06.2015 № 17-П // Собрание законодательства РФ. 06.07.2015. № 27. Ст. 4101.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 20.12.2010 № 22-П // Собрание законодательства РФ. 03.01.2011. № 1. Ст. 264; Определение Конституционного Суда РФ от 02.11.2011 № 1570-О-О // СПС КонсультантПлюс.

⁴ Пункт 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.03.2021 № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 5. Май. 2021.

⁵ Antitrust law in The U.S. Supreme Court // <https://www.justice.gov/atr/speech/antitrust-law-us-supreme-court> (Дата обращения: 07.01.2024).

⁶ Mastercard Incorporated and others (Appellants) v Walter Hugh Merricks CBE (Respondent), [2020] UKSC 51 [Mastercard] // <https://www.supremecourt.uk/cases/uksc-2019-0118.html> (Дата обращения: 07.01.2024).

⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 17.02.2022 № 7-П «По делу о проверке конституционности статей 14.8 и 51 Федерального закона “О защите конкуренции” в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью “Медэксперт”» // Собрание законодательства РФ. 07.03.2022. № 10. Ст. 1594.

услуги. При этом у компании была лицензия на осуществление медицинской деятельности на территории иного субъекта РФ.

Компания с такой правовой квалификацией антимонопольного органа не согласилась и обратилась в арбитражный суд в порядке гл. 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ)⁸. Суды трех инстанций компанию не поддерживали, признав законным решение и предписание антимонопольного органа. Судья Верховного Суда РФ отказал компании в передаче ее кассационной жалобы на рассмотрение в Судебную коллегия по экономическим спорам⁹. Компания обратилась в КС России.

Нормативные акты не могут предусмотреть исчерпывающим образом все недобросовестные практики хозяйствующих субъектов, которые они могут использовать как участники гражданского оборота. По этой причине Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее — Закон о защите конкуренции)¹⁰ не содержит *numerus clausus* (исчерпывающий перечень) деяний, которые могут быть отнесены к недобросовестной конкуренции, оставляя определенную свободу усмотрения антимонопольному органу. Как следствие, перед КС России встал следующий вопрос: возможно ли квалифицировать в качестве недобросовестной конкуренции действия хозяйствующего субъекта по подаче заявки на участие в торгах в соответствии с Федеральным законом от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее — ФЗ № 44-ФЗ)¹¹, если у такого хозяйствующего субъекта отсутствует лицензия на осуществление деятельности, с которой сопряжено исполнение государственного (муниципального) контракта?

Стоит отметить, что анализ правоприменительной практики по указанному вопросу позволяет сделать вывод, что как территориальные управления, так и центральный аппарат ФАС России длительное время исходили из того, что по ст. 14⁸ Закона о защите конкуренции можно квалифицировать действия хозяйствующего

субъекта по подаче заявки на участие в торгах на оказание медицинских услуг без лицензии на осуществление медицинской деятельности на территории определенного субъекта РФ¹².

1.2. Позиция КС России

КС России с правовой квалификацией антимонопольного органа и арбитражных судов не согласился. Суд пришел к выводу, что сама по себе подача заявки на участие в торгах в отсутствие лицензии не является недобросовестной конкуренцией, если участник торгов не предпринял попытки скрыть факт отсутствия у него необходимой для исполнения контракта лицензии, а комиссия по осуществлению закупок в рамках исполнения своих обязанностей при обычной внимательности и осмотрительности могла установить отсутствие необходимой лицензии.

При этом в качестве недобросовестной конкуренции в рассматриваемом аспекте могут быть квалифицированы лишь такие действия (бездействие), цель которых — получить конкурентное преимущество за счет введения в заблуждение заказчика относительно соответствия исполнителя государственного (муниципального) контракта всем требованиям отраслевого законодательства. Например, указание в заявке на участие в торгах заведомо недостоверных сведений и приложение к заявке подложных документов.

Отдельно отметим, что постановление КС РФ послужило основанием для пересмотра решения по делу ООО «Медэксперт», вследствие чего решение и предписание Управления федеральной антимонопольной службы (далее — УФАС) признаны судом незаконными¹³. Суды при новом рассмотрении дела в своих актах сослались на правовую позицию КС России по указанному делу.

С позицией КС России по делу ООО «Медэксперт» можно лишь согласиться. Сложно найти обоснование для вменения участнику гражданского оборота на этапе подачи заявки на участие в торгах обязанности проверять, потребуются ли ему лицензия на осуществление определенной деятельности в случае признания его победителем. Для этих целей существует иной субъект. Комиссия по осуществлению закупок должна квалифицированно и беспристрастно выбирать лицо, с которым будет заключен государственный (муниципальный) контракт. Именно на комиссии лежит обязанность проверять, соответствуют ли участники закупки всем необходимым требованиям, указанным в закупочной документации. Законодатель даже устанавливает меры юридической от-

⁸ См.: Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 29.07.2002. № 30. Ст. 3012.

⁹ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 02.10.2020 № 301-ЭС20-13735 // <https://kad.arbitr.ru/> (Дата обращения: 07.01.2024).

¹⁰ См.: Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. 31.07.2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3434.

¹¹ Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ. 08.04.2013. № 14. Ст. 1652.

¹² Решение ФАС России от 15.09.2021 по делу № 040-01/14.8-1065/2020 // СПС КонсультантПлюс.

¹³ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 07.02.2023 № Ф01-3248/2022 по делу № А38-5347/2019 // <https://kad.arbitr.ru/> (Дата обращения: 07.02.2024).

ветственности за неисполнение указанной обязанности членами закупочной комиссии (ч. 2 ст. 7.30 КоАП РФ)¹⁴.

Кроме того, КС России в целом сделал весьма интересный и важный для практики вывод, который сводится к следующему. Нарушение запрета на недобросовестную конкуренцию возможно лишь при наличии причинно-следственной связи между умышленными действиями нарушителя и снижением (реальной возможностью снижения) уровня конкуренции на товарном рынке. При этом умыслом нарушителя — физического лица должны также охватываться возможные либо фактически наступившие последствия в результате совершения умышленных действий. Соответственно, если участник закупки целенаправленно не вводит комиссию в заблуждение относительно наличия у него необходимых разрешений и лицензий, то его поведение не может быть расценено как нарушение запрета на недобросовестную конкуренцию.

Неуказание на отсутствие лицензии не является активным действием со стороны хозяйствующего субъекта, которое оказывает или может оказать конкурентные преимущества такому хозяйствующему субъекту. А при отсутствии указанных преимуществ речи о недобросовестной конкуренции идти не может, поскольку отсутствует один из конститутивных признаков недобросовестной конкуренции, входящий в предмет доказывания по данной категории дел.

2. Постановление КС России по делу Кошелева¹⁵

2.1. Правовая проблема

В части 7 ст. 11 Закона о защите конкуренции установлены случаи, когда картельное соглашение признается допустимым с точки зрения антимонопольного законодательства: для этого участники соглашения должны входить в одну группу лиц и одним из таких хозяйствующих субъектов в отношении другого хозяйствующего субъекта должен быть установлен контроль, либо такие хозяйствующие субъекты должны находиться под контролем одного лица. При этом закон под контролем для целей применения данного запрета понимает исключительно два случая: владение более 50% акций АО (1/2 долей

в уставном капитале ООО) и выполнение функций единоличного исполнительного органа.

В рассматриваемом деле УФАС по Самарской области признало ряд компаний нарушившими п. 2 ч. 1 ст. 11 Закона о защите конкуренции путем заключения картельного соглашения, которое могло привести к ограничению конкуренции путем поддержания цен на торгах. Антимонопольный орган пришел к выводу, что компании реализовывали единую стратегию, направленную на обеспечение друг другу победы на торгах с минимальным снижением начальной максимальной цены контракта. Заявители, не согласившись с решением антимонопольного органа, апеллировали к тому, что понятие «контроль» для целей применения исключения из запрета на картели не должно ограничиваться двумя признаками, предусмотренными ч. 8 ст. 11 Закона о защите конкуренции, а должно толковаться более широко.

Данная позиция была обусловлена следующим. Заявители по делу указывали, что у участников картеля есть бенефициарный владелец (гражданин Кошелев), который через цепочку юридических лиц косвенно владеет компаниями — участниками картеля и давал им обязательные для исполнения указания на основании соглашения между акционерами компаний, определяя основные направления экономической деятельности. Следовательно, по мнению заявителей, участники картеля находились под фактическим контролем одного лица, что позволяет применить к ним исключение из запрета на картели, установленное ч. 7 ст. 11 Закона о защите конкуренции. Однако данный довод не нашел поддержки у арбитражных судов, которые рассматривали дело (А55-16982/2020) об оспаривании решения и предписания УФАС по факту нарушения антимонопольного законодательства. Суды подчеркнули, что закрепленный в ч. 8 ст. 11 Закона о защите конкуренции перечень признаков подконтрольности является исчерпывающим, и никакие иные взаимосвязи между компаниями внутри группы лиц не могут служить основанием для применения исключения из запрета на антиконкурентные соглашения.

2.2. Позиция КС России

Суд пришел к выводу, что расширительное толкование оспариваемого законоположения — вопреки прямо выраженной воле законодателя — позволяло бы, в частности, имитировать существование контроля созданием совокупности указывающих на него фиктивных признаков и использовать в дальнейшем предполагаемый фактический контроль для преодоления запрета картельных соглашений на торгах, что, в конечном счете, препятствовало бы достижению целей антимонопольного регулирования.

Кроме того, из конституционных требований защиты свободы экономической деятельности не вытекает обя-

¹⁴ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

¹⁵ Постановление КС РФ от 30 марта 2023 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности ч. 8 ст. 11 и п. 1 ч. 1 ст. 17 Федерального закона «О защите конкуренции» в связи с жалобой акционерных обществ «Специализированный Застройщик «Кошелев-проект Самара» и «Кошелев-проект»» // Собрание законодательства РФ. 10.04.2023. № 15. Ст. 2746.

занность государства легитимировать такие формы фактического контроля посредством предоставления группе лиц, в которой он осуществляется, иммунитета от ответственности за заключение картельных соглашений. Более того, КС России указал, что для хозяйствующих субъектов, образующих группу лиц, но не отвечающих признакам, обозначенным в ч. 8 ст. 11 Закона о защите конкуренции, их совместное неконкурентное участие в торгах не является вынужденной и единственно возможной стратегией реализации свободы экономической деятельности, и, соответственно, нераспространение на них исключения из запрета картеля на торгах не может рассматриваться как несоразмерное ограничение их конституционных прав.

Отдельно обратим внимание, что после вынесения указанного постановления КС России в 2023 г. в ч. 7 ст. 11 Закона о защите конкуренции были внесены изменения, в соответствии с которыми исключение из запрета на картели больше не распространяется на картели на торгах.

3. Постановление КС России по делу Шатило¹⁶

На первый взгляд может показаться, что указанное Постановление не имеет значения для применения положений антимонопольного законодательства. Однако это совсем не так. В ст. 178 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) криминализирован картель — антиконкурентное горизонтальное соглашение, которое приводит или может привести к одному из пяти поименованных в ч. 1 ст. 11 Закона о защите конкуренции последствий. При этом заключение картеля является уголовно наказуемым, если деяние повлекло причинение крупного или особо крупного ущерба или извлечение крупного или особо крупного дохода. При этом в литературе отмечается, что в отличие от положений Закона о защите конкуренции, наказывающих картели *per se*, состав ст. 178 УК РФ требует реального ограничения конкуренции [5]. Следовательно, речь идет о проверке конституционности нормы конкурентного права, закрепленной в антимонопольном законодательстве.

3.1. Правовая проблема

Напомним, что заключение картельного соглашения, повлекшего по меньшей мере одно из последствий, указанных в ст. 178 УК РФ, на сегодня является един-

ственным нарушением антимонопольного законодательства, за которое прямо предусмотрена уголовная ответственность.

Уголовная ответственность наступает в ситуации, если картельное соглашение привело к причинению крупного / особо крупного ущерба или повлекло извлечение крупного / особо крупного дохода. Таким образом, уголовно наказуемым деянием заключение картельного соглашения становится в случае, если оно привело к причинению ущерба в размере свыше 16 млн руб. либо к извлечению дохода свыше 80 млн руб. Данный подход связан с тем, что крупные картели обладают, по мнению законодателя, общественной опасностью, а также с ограниченным превентивным потенциалом административно-правовых запретов.

В данном контексте вопрос механизма определения размера дохода для целей применения ст. 178 УК РФ всегда волновал физических лиц, участвующих в заключении картельного соглашения, так как от особенностей реализации данного механизма напрямую зависело, какие неблагоприятные последствия для таких лиц могут наступить в случае выявления факта заключения картеля: административный штраф или уголовное наказание, в том числе лишение свободы.

При этом заключение картельного соглашения на торгах является одним из самых часто встречающихся картелей в современных реалиях. Кроме того, представители доктрины отмечают, что специфика картелей на торгах обуславливает сложность в доказывании наличия в действиях участников торгов признаков заключения антиконкурентного горизонтального соглашения [6].

В рассматриваемом деле было установлено, что гражданин Шатило, будучи генеральным директором и единственным участником хозяйственного общества, заключил антиконкурентное соглашение — картель, направленное на гарантированную победу хозяйственного общества в аукционе на выполнение работ по техническому обслуживанию и ремонту дорогостоящего медицинского оборудования для 22 бюджетных учреждений здравоохранения с минимальным снижением начальной максимальной цены контракта.

Приговором суда гражданин Шатило был признан виновным в покушении на преступление, предусмотренное пунктами «а», «в» ч. 2 ст. 178 УК РФ. При назначении наказания суд исходил из того, что доход, который гражданин Шатило намеревался получить при реализации преступного умысла, равен цене контракта (768 млн руб.), что считается особо крупным доходом.

Шатило обжаловал приговор в вышестоящие инстанции, аргументируя свою позицию тем, что 768 млн руб. не являются его чистой прибылью, а для определения размера дохода в целях применения ст. 178 УК РФ из данной суммы необходимо вычесть налоги и себестоимость работ по контракту. Однако апелляционная

¹⁶ Постановление КС РФ от 19.04.2023 № 19-П «По делу о проверке конституционности части первой и пункта “в” части 2 статьи 178 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также пункта 1 примечаний к данной статье в связи с жалобой гражданина С. Ф. Шатило» // Собрание законодательства РФ. 01.05.2023. № 18. Ст. 3389.

и кассационная инстанции поддержали позицию суда первой инстанции, ограничившись заменой наказания на условное.

Заявитель посчитал, что указанные обстоятельства являются поводом для обращения в КС РФ с целью проверки конституционности спорных положений УК РФ.

3.2. Позиция КС России

Суд отметил, что в данном случае применим подход, изложенный в Постановлении Пленума ВС РФ от 18.11.2004 № 23, согласно которому доход в случае осуществления незаконной предпринимательской деятельности определяется исходя из выручки, полученной лицом за все время осуществления такой деятельности, без вычета расходов, понесенных в связи с ее осуществлением. Несмотря на то, что данный подход был выработан в целях применения ст. 171 УК РФ, КС России подтвердил его применимость и к ст. 178 УК РФ, поскольку указанные статьи в связи с единым объектом преступного посягательства включены в одну главу УК РФ. Соответственно, термин «приносящая доход деятельность» для данных статей не может интерпретироваться принципиально по-разному.

Таким образом, КС России определил, что «доход» для целей применения ст. 178 УК РФ означает цену контракта, заключаемого по результатам торгов, без ее уменьшения на размер каких-либо расходов в связи с исполнением контракта, включая расходы по уплате обязательных публично-правовых платежей. Кроме того, КС России отметил, что иной подход, который бы предполагал при определении размера дохода (крупного и особо крупного) для целей применения ст. 178 УК РФ учет суммы понесенных расходов, включая уплаченный (подлежащий уплате) налог, нормы прибыли, приводил бы к тому, что приготовление к преступлению или покушение на преступление, когда соответствующие расходы еще не понесены, при прочих равных приводили бы к более тяжким последствиям для нарушителя, нежели оконченное преступление, в случае которого расходы уже понесены и поддаются документальному подтверждению и оценке. Либо указанный подход полностью исключал бы стадии приготовления к преступлению и покушения на преступление, допуская квалификацию деяния лишь в качестве оконченного преступления и лишь тогда, когда исчислены все расходы, несмотря на наличие иных признаков картельного сговора.

При этом учет расходов, которые только предполагаются в будущем, проблематичен в силу рискованного характера предпринимательской деятельности, поскольку ее экономический результат, влияющий в том числе на ее налоговые последствия, зависит как от внешних обстоятельств, так и от решений, принимаемых хозяйствующим субъектом.

Таким образом, в ситуации покушения на ограничение конкуренции (как это имело место в уголовном деле

заявителя), когда преступная деятельность прервана (преступление не окончено) и расходы хозяйствующим субъектом еще не понесены, тезис о том, что для определения размера дохода необходимо учитывать также понесенные расходы на исполнение контракта, был бы иррациональным. В указанной ситуации нет сопутствующих экономической деятельности расходов и нельзя вычленив сумму дохода, отождествлявшегося бы в таком случае с прибылью.

Закключение

Анализ постановлений КС России указывает на возрастающую значимость антимонопольного регулирования для обеспечения добросовестности предпринимательских практик и развития российской экономики.

Выработанные КС России правовые позиции позволили снизить правовую неопределенность ряда важных положений антимонопольного законодательства, в том числе по вопросам ответственности за антиконкурентные положения. Ранее хозяйствующие субъекты — участники картельного соглашения рассчитывали, что в отсутствие формальной подконтрольности искусственно созданные доказательства наличия фактической подконтрольности позволят им избежать наказания за картель в силу наличия исключения, предусмотренного ч. 7 ст. 11 Закона о защите конкуренции. Теперь же практика по данному вопросу предопределена, внесены изменения в законодательство, что позволяет предупреждать значительное количество злоупотреблений хозяйствующих субъектов и, вероятно, судебных ошибок по данной категории дел.

Указанный вывод справедлив и в отношении других двух вопросов, которые стали предметом рассмотрения КС РФ: применение общего запрета на недобросовестную конкуренцию к действиям участника торгов, не имеющего намерения ввести закупочную комиссию в заблуждение, а также механизм определения размера дохода в целях применения ст. 178 УК РФ.

И хотя далеко не все проблемные вопросы применения антимонопольного законодательства попадают в поле зрения КС РФ, следует отметить, что конституционное правосудие, несомненно, вносит существенный вклад в развитие антимонопольного законодательства и практику его применения. ■

Список источников [References]

1. Даниловская А. В. Конкуренция как объект уголовно-правовой охраны // Lex russica. 2020. Т. 73. № 2. С. 75–91.
<https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.159.2.075-091> [Danilovskaya A. V. Competition as an Object of Criminal Law Protection. Lex Russica. 2020;73(2):75-91. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.159.2.075-091>]

2. Башлаков-Николаев И.В., Максимов С.В. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации о применении судами антимонопольного законодательства: научно-практический комментарий. М.: Проспект, 2022. 184 с. [Bashlakov-Nikolaev I. V., Maksimov S. V. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on the application of antimonopoly legislation by courts: scientific and practical commentary. M: Prospect, 2022. 184 p. (In Russ.)]
3. Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития: Монография / Афанасьева Е.Г., Белицкая А.В., Вайпан В.А. и др.; отв. ред. Е.П. Губин. М.: Юстицинформ, 2019. 664 с. [Business law of Russia: results, trends and development paths: Monograph / Afanasyeva E. G., Belitskaya A. V., Vaipan V. A., et al.; resp. ed. E. P. Gubin. M.: Justicinform, 2019. 664 p. (In Russ.)]
4. Chiodo, Suzanne, Becoming Competitive on the Worldwide Stage: UK Supreme Court Gives Green Light to Class Actions (Blog Post) (December 11, 2020). Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=4226103> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4226103>.
5. Есаков Г.А. Картельное соглашение и номинальное участие в торгах // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 12. С. 76-90 [Esakov G. Cartel agreement and formal participation in tenders // Herald of Economic Justice. 2020;(12):76-90. (In Russ.)]
6. Тимошенко А.С. Применение принципа добросовестности при доказывании картельных соглашений на торгах // Российское конкурентное право и экономика. 2020. № 1. С. 26-31. <https://doi.org/10.32686/2542-0259-2020-1-26-31> [Tymoshenko A.S. Application of the principle of good faith in proving cartel agreements at tenders // Russian competition law and economy. 2020;(1):26-31. (In Russ.) <https://doi.org/10.32686/2542-0259-2020-1-26-31>]

Сведения об авторах

Сегал (Решетникова) Стефания Борисовна: ведущий юрист антимонопольной практики юридической компании Пепеляев групп, преподаватель кафедры предпринимательского, трудового и корпоративного права юридического факультета имени М.М. Сперанского РАНХиГС

Маслов Антон Олегович: старший преподаватель кафедры конкурентного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), эксперт Международного центра конкурентного права и политики БРИКС НИУ ВШЭ a.o.maslov@hse.ru

Статья поступила в редакцию: 07.02.2024
Одобрена после рецензирования: 10.04.2024
Принята к публикации: 22.04.2024
Дата публикации: 28.06.2024

The article was submitted: 07.02.2024
Approved after reviewing: 10.04.2024
Accepted for publication: 22.04.2024
Date of publication: 28.06.2024